

Труд-7.-1997.-14 ноября.-с.8.

ПРАВЕДНИК — И ТОТ ГРЕШИТ

Искренне порадовался тому, что в рубрике «Лампада» — не частый у вас случай — прозвучали мысли как бы «иноверца» (не православного служителя). Валентин Непомнящий в публикации «Путь спасения» («Труд» за 11 июня с.г.) поделился своими раздумьями о христианстве Пушкина. Во многом разделяя взгляды ученого-пушкиниста, не могу согласиться с одним его убеждением, что Александр Сергеевич — правоверный православный, к тому же чуть ли не основатель нашей светской православной культурной традиции.

Александр Пушкин. Автопортрет в монашеском клобуке с бесом.

Пушкин видел несовершенства православия, иронически относясь к пышным, но зачастую пустым церковным церемониям, и действительно «метался и маялся» душой (согласен с В.Непомнящим), пытаясь постичь величие Бога. Это плохо ему удавалось.

Поделюсь своим пониманием христианства Пушкина, тем более что публикация «Труда» вызвала неоднозначное впечатление и породила ряд новых вопросов.

С одной стороны, нам вроде и дела нет до религиозности автора «Гавриилиады» («тайны, которая велика есть»), с другой — неплохо было бы определиться и «зачислить» великого поэта или в атеисты, или в полуверующего странника, или, наконец, в «подлинного» основателя русской мирской культуры как культуры православного народа». Хотя как раз с православием у Александра Сергеевича были большие «разномыслия», доходявшие порой до «разногласий».

И здесь прежде всего хочу прояснить один вопрос, в последнее время намеренно как бы затемняемый некоторыми толкователями. Личная вера человека объявляется «тайной за семью печатями», о которой не только публично рассуждать, но и спрашивать считается не этичным. Недавно одна эстрадная дива, отвечая (в телепередаче) на телефонный звонок слушательницы, спросившей о том, вернет ли певица в Бога, начала строго выговаривать абоненту и стыдить за якобы нескромный вопрос. Подумалось: уж не тайные ли собрания каких-нибудь иезуитов или хлыстов посещает наша «поп-звезда», что опасается простого вопроса?

Апостол Петр говорит: «...Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». Никакого отчета от певички не требовали. Просто спросили: верующая ли она? На уповании ее стоял гриф «совершенно секретно». Подозреваю, что и упования там никакого не было. Иисус Христос подобную таинственность осуждает: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего». Поэтому исповедовать Христа пред людьми, тем более спрашивающими вас об этом, не надо стыдиться. «Стыдного, позорного и засекреченного» упования христианского не должно быть.

Теперь о религиозности Пушкина. Думается, после написания «Гавриилиады» поэт хорошо понимал опасность своего духовного состояния. Есть пределы, переходить которые невозможно без ущерба для своего спасения. Свидетельством пережитого духовного кризиса и некоторого возрожде-

ния В.Непомнящий считает стихотворение «Анчар». Верится в это с трудом. В двадцатидевятилетнем возрасте Пушкин пишет строки, выявляющие его постоянную влюбчивость и беспечность: «Каков я прежде был, таков и ныне я: беспечный, влюбчивый... Я новым идолам несу мои мольбы». А в год своей трагической гибели записывает: «Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам». Поэтому можно подвергнуть сомнению утверждение В.Непомнящего о духовном переломе, происшедшем с Пушкиным после заочного диалога с Филаретом. Поэт остался таким же «мятущимся и неприкаянным» в духовном смысле.

Нет, мы не судим великого поэта. Есть высший Судия над ним и над нами, которому дадим отчет в свое время. Просто на примере Пушкина, на его ошибках и заблуждениях можно и нужно учиться. Закончу эту часть размышлений оптимистическими строками поэта: «Но Пречистая, конечно, Заступилась за него. И впустила в царство вечно Паладина своего». Хорошо бы так...

Теперь такой вопрос: как же Пушкин относился к нашему «традиционному» православию и, в частности, к его духовным пастырям? В.Непомнящий, приглашенный на богословскую (православную) конференцию, высказал на ней лестную для присутствующих мысль: наш великий соотечественник, конечно, православный. Кем же ему быть? Вся Россия православная! Но не будем спешить с окончательными оценками.

Из послания апостола Павла к римлянам следует, что познать Бога можно и без слушания проповедника. Надо только внимательно и вдумчиво рассмотреть творения Божии. Они почти все расскажут о Творце без слов. У нас же есть словесные свидетельства поэта, раскрывающие отношения Пушкина к кому-либо или к чему-либо.

Какой вывод сделал бы ученый-пушкинист из слов, приведенных Пушкиным в набросках предисловия к «Борису Годунову»: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака»? Рассеянность здесь, думается, ни при чем. Московский патриарх заслуживает гораздо более решительных определений. Его лицемерие в деле воячества Годунова показывает нам действительно человека незаурядного... в лести и хитрости. Великим «режиссером» (равным разве что Станиславскому) видится здесь православный вождь и предстоятель церковный: так расписаны были все главные и второстепенные роли, что венчание на царство Годунова прошло без сучка и задоринки.

Духовное лицо должно быть озарено вечным и небесным. Когда же народ у Новодевичьего монастыря слюнявит глаза, имитируя плач и стенание, тогда лицемерный спектакль, организованный при помощи высшего православного иерарха, вызывает у Пушкина протест и насмешку. Так что напрасно некоторые исследователи творчества поэта спешат безоговорочно «зачислить» его в православный приход...

Больше всего Пушкин любил и воспевал свободу — мысли, выбора, творчества, духа. Ему одинаково тягостно и невыносимо было и в кругу придворных лстецов, и среди духовных лицемеров. В земной жизни он страдал и мучился, а в будущую, вечную, по-моему, мало верил. И хотя, по его собственным словам, он превосходно знал Библию, это знание редко спасало его от духовных заблуждений.

Да, Пушкин — гениальный светский поэт. А его опыт написания стихов на библейские и христианские темы свидетельствует: не может быть совершенства абсолютно. Нам остается утешиться словами мудрого Екклесиаста: нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы...

«Возлюбив нынешний век», трудно остаться христианином и даже православным прихожанином. А наш гениальный поэт уж слишком любил эту земную многогрешную жизнь: «О нет, мне жизнь не надоела. Я жить люблю. Я жить хочу...» — напишет Пушкин однажды, чувствуя уже далеко не в молодом возрасте «любопытство» к некоторым наслаждениям. И свое бессмертие видит он не в жизни вечной, а в памяти людской. И даже учитывая, что «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» является развитием и переложением оды Горация, Пушкин не смог, мне представляется, подняться духовно выше языческих представлений о бессмертии.

Повторюсь: мы не судим поэта, ибо не имеем на это никаких прав. «Кто ты, осуждающий чужого раба? Пред своим Господом стоит он или падает. И будет возставлен: ибо Бог силен возставить его», — написал апостол Павел, и это вносит оптимистическую нотку в наши рассуждения. Среди сложных «отца-пустынниками» молитв «ни одна из них не умилила» поэта, кроме одной. Его, «падшего», но, силищегося встать, подкрепляла она и давала «неведомую силу»:

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

Такого Пушкина невозможно не любить. Таким мы его и любим бесконечно.

Виктор ЯСЬКОВ.

ТАШКЕНТ.